

ДАЛИ
ИСКУССТВА

ПРИ ЖИЗНИ его слава была довольно скромна и ограничивалась пределами родины — Германии. Почти полвека Бах проработал при церкви: певчим, скрипачом, органистом, кантором, беспрепятственно сочиняя и тут же исполняя кантаты, оратории, прелюдии, фуги, фантазии для органа, клавиря, скрипки, виолончели и прочих музыкальных инструментов. Он не ждал, когда снизойдет вдохновение, — его сочинения отмечены бесконечным вдохновением. Каким щедро творящая природа.

Когда-то Себастьян Бах сам составил семейную родословную, в которой упоминается пятьдесят три представителя семи поколений. Как и Пушкин, он гордился своей родословной, мысленно обозревая вклад в культуру, который внесли многочисленные представители прославленного музыкального рода. И наверняка ощущал себя частью стройного космического мироздания, в котором все на редкость целесообразно, разумно, стихийно мощно и величаво. Ибо таковым было все, созданное его гением на протяжении полувековой творческой деятельности.

Секрет непреходящего вдохновения Баха крылся прежде всего в его адззышенно-целомудренной страсти к творчеству, под которым он подразумевал каждодневное общение посредством музыки с высшим идеалом. (По простоте душевной, обычно свойственной гениям, он величал его богом.) К нему, к этому богу, он стремился ежесекундно, а не в приливе неведь откуда снизошедшего вдохновения. Вот так же стремилась к нему Микеланджело, Рафаэль, Андрей Рублев, а поэта лица одолевая ступеньку за ступенькой бесконечной лестницы взысь.

Бах с ранних лет постиг смысл этого бесперывного восхождения. Еще тогда, когда при свете луны, тайне от старшего брата, Иоганна Кристофа, замешанного рано умершего отца и мать, копировал произведения знаменитых в те времена Флорбергера, Керля, Пахельбеля, которых брат не давал в руки Себастьяну, несмотря на все его мольбы. От этих ночных трудов навсегда ослабнет его зрение, впоследствии вовсе откажет ему, однако окрепнет и возмужает любовь к выбранному, согласно семейной традиции, ремеслу, возвысив его до уровня искусства.

Этот первой жертвой, с такой легкостью возложенной на алтарь любимого божества, последуют другие, не менее щедрые. Пятнадцатилетним мальчиком Бах часто ходил пешком из Люнебурга в Гамбург (45 км) и в городок Цалле (90 км), чтобы

Иоганн Себастьян Бах

слушать импровизации знаменитого в те времена Рейнкена или же познакомиться со светской музыкой, исполняемой оркестром герцога Брауншвейгского. Голодный, продрогший, обычно не имея в кармане ни единого гроша, шагал он люнебургской степью, не различая ни дня, ни ночи. А над его головой разгоралась та самая путеводная звезда, свет которой будет согрывать его всю жизнь. Недаром его еще при жизни называли «святым от музыки». Одни — с презрением, другие — с тайной завистью, а некоторые — с восхищением.

Очень скоро Бах завоевал известность великолепного органиста и большого знатока органа. Ибо он умел добиваться от инструмента такого звучания, какого не удавалось никому ни до, ни, вероятно, после.

Во времена Баха органное искусство переживало невероятный подъем. Орган почитался королем инструментов, для него писали музыку как знаменитые, так и безвестные композиторы. Существовали целые органные школы: во Франции, Испании, Италии, Германии, отличавшиеся одна от другой не только и не столько техникой исполнения, сколько самим стилем органостроения.

Бах чрезвычайно интересовался устройством органа. Недаром же он колесит по Германии, испытывая новые или реконструированные инструменты.

Современники свидетельствуют, что Бах, садясь за орган, непременно исполнял что-то новое, рожденное сейчас, сиюминутно, от близости любимого инструмента. До нас дошло более тысячи произведений Баха, а сколько не дошло, осталось не запечатленным на нотной бумаге, слышимое с окаменевшей тишиной строгих готических сводов... Кто знает, быть может, самых совершенных...

Бах отнюдь не всегда был серьезным пожилым человеком в пудреном парике, каким смотрит на нас с сохранившихся портретов. Он был очень сердечен в обращении с людьми, любил находиться в кругу своей огромной семьи (из двадцати детей Баха от двух браков выжило девять), к которой причислял живших в его доме уча-

ников. За большим хлебосольным столом Баха всегда царил веселье, звучали шуточные песни, нередко сочиненные главой семейства. Например, такие, как этот заезженный кводлибет:

Кто хочет в Индию,
Пожалуйте на мой корабль.
Правда, я не моряк,
Мне не нужны ни мачта,
ни парус,
Симу з своей ивашне,
Ничего мне больше не надо.

Но Бах мог сочинять и такие песни, как эта, посвященная второй жене, Анне Магдалине, которая вошла в ее нотную тетрадь:

Если ты рядом,
я с радостью
Встречу смерть
и вечный покой.
Как счастлив был бы я,
если при кончине
Твои прекрасные руки
Закрыли б мои верные глаза.

Не правда ли, в этом отрывке уже чувствуется приближение великого века романтизма?..

Те же современники утверждают, что Иоганн Себастьян Бах обладал воинственным характером. Короче говоря, упорно отстаивал свои законные права, не опасаясь вступать в конфликты с городскими властями. Так, на священника церкви святого Николая, который оспаривал право Баха самому

ПАМЯТНЫЕ
ДАТЫ

выбирать песни для богослужений, Бах пишет жалобу в лейпцигский муниципалитет:

«Покорнейше прошу милости: во поддержать меня в прежнем способе использования и выбора церковных песнопений...». Сколько боли, сколько обиды кроется за этим «покорнейше прошу»! Изнурительное единоборство с бодолубового гения с тупым, воинствующим ничтожеством.

В недолгую бытность органистом князя Веймарского Бах был на месяц посажен под арест «за свое непочтительное требование отставки». Он ни перед кем не склонял своей головы, во что бы то ни стало оберегая свою внутреннюю свободу.

Он не написал ни единой оперы, ибо не умел привязывать себя к пошленному, поверхностному либретто, кои были в ходу в XVIII столетии. Однако его оратория «Страсти по Матфею» произвела на обывателей ошеломляющий эффект. Потому что она звучала в церкви, но была обращена не к богу, а к его величеству Человеку.

«...Когда началась эта театральная музыка, все было повергнуто в величайшее изумление, переглянулись и сказали: «Что это может быть?» Одна пожилая благородная вдова сказала так: «Боже упаси нас, дети мои! Мы как будто пришли в номическую оперу!» — рассказывает современный Баха Гербер. А пастор Неймстер в предисловии к своей работе «Черновые кантаты вместо церковной музыки» напишет: «Нороче говоря: кантата — это не что иное, как часть оперы, которая составлена из речитативов и арий».

Дело не столько в форме, сколько в содержании, в кантатах же Баха начисто отсутствует мистицизм. Напротив, они воспевают радости и красоту жизни, в них скорбь достигает глубочайшего, истинно человеческого размаха. Именно за это и незвидели Баха догматики от церкви. Они же после смерти и попытались предать его музыку забвению.

Нам трудно поверить в то, что первое печатное произведение Баха вышло в свет, когда его создателю шел сорок второй год. Да и то Бах издал его на собственные средства. Через несколько лет вышел сборник «Упражнения для клавира», из которых «Концерт в итальянском вкусе» полон изящества, очарования, в чем-то сродни музыке Доменико Скарлатти, первой ласточки грядущего романтизма. И это говорит о разносторонности музыкальных интересов Баха.

Но он всегда оставался самим собой. И когда сочинял свой знаменитый «Хорошо темперированный клавир», эту библию для всех последующих поколений музыкантов, и когда писал «Крестьянскую кантату» или же просто записывал в нотную тетрадь несложные вещицы для жены, детей, учеников. В этом от-

ношении Бах — честнейший из всех музыкантов.

После смерти Баха ожидало почти вековое забвение. Тем более обидное там, что в своем творчестве он предсказал дальнейшую пути развития музыкальной культуры на много веков вперед.

«С течением времени истинные все больше сближаются, — писал Роберт Шуман. — Например, Бетховену не нужно было изучать все то, что изучал Моцарт, Моцарту не нужно было изучать все то, что изучал Гендель, и Генделю — то, что изучал Палестрина, потому что уже каждый из них впитал в себя наследство предшественников. Есть только один неисчерпаемый источник — Иоганн Себастьян Бах!»

Сыновья Баха при жизни пользовались славой, значительно превосходящей славу отца. Это относится и к Иоганну Христиану, так называемому «миланскому» или «лондонскому» Баху, и к Карлу Филиппу Эммануэлю, «берлинскому» Баху, которого высоко чтит Гайдн.

Россия поздно приобщилась к музыке Баха, однако знакомство с нею произвело грандиозное впечатление на лучшие умы первой половины XIX столетия. В. Одоевский, образованнейший русский музыкант, писатель, общественный деятель, пишет в 1834 году поэтичный рассказ «Себастьян Бах», в котором изображает одержимого непреходящей страстью художника, одинокого, не понятого многочисленными родственниками и учениками, страдающего от дисгармонии внешнего мира. Этакий собирательный образ Творца.

«В то время, когда это писалось, — поясняет Одоевский в примечании к рассказу, — в Москве имя Себастьяна Баха было известно лишь весьма немногим музыкантам. Для меня Бах был почти первой учебной музыкальной книгой, которой большую часть я знал наизусть. Ничто тогда так меня не сердило, как наивные отзывы любителей о том, что они и не слышали о Бахе».

«Если представить великих композиторов в виде горной цепи, то Бах, мне кажется, своей вершиной уходит далеко за облака, где всегда горячие лучи солнца скользят по ослепительной близине ее ледяного покрова. Таков Бах. До кристалличности чистый, светлый».

Это — слова певца революции Максима Горького, твердо веровавшего в приятие революционной Россией богатого баховского наследия.

Его пророчества сбылись. И сейчас, спустя три века со дня рождения Баха, любовь к нему в нашей стране переживает настоящий подъем, обусловленный тем, что центром всех без исключения творений великого композитора был свободный, всесильный и разумный человек.

Наталья КАЛИНИНА